

ЛИТКЛУБ

Вет. клуб — 2004 — 15 июля — с. 25

жажда открытий еще живет во мне

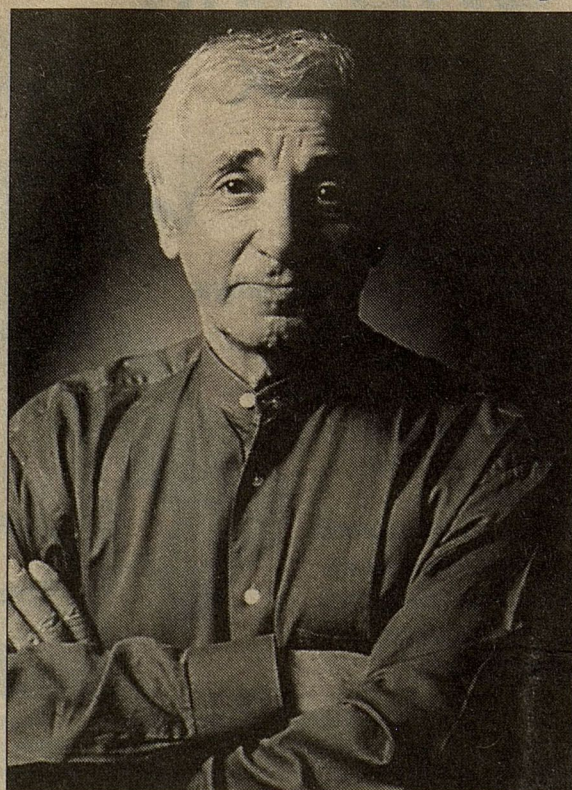
Шарль Азнавур: Прошлое и будущее

В издательстве «Вагриус» готовится к печати книга Шарля Азнавура «Прошлое и будущее» (серия «Мой XX век»). Предлагаем вниманию наших читателей отрывки из этих мемуаров.

Моя мать, Кнар Багдасарян, обладала даром повсюду находить родственные связи. Возможно, этим она восполняла пустоту и ностальгию по семье, которой у нее не было. Встречая кого-нибудь из города, где родилась, услышав знакомую фамилию, она тут же вспоминала их дедушку или бабушку. И даже если они были всего лишь соседями, то мгновенно становились чуть ли не ближайшими родственниками. Я обычно называл их своими «родственникам по стене»: «Да, да, он был булочник, а может молочник...» Мать считалась турчанкой, поскольку родилась в Турции, также как я считаю себя французом. Итак, она была турчанкой армянского происхождения, рожденной в Адапазари от отца-специалиста по табаку. У нее были два брата и сестра, все трое умерли во время геноцида, бог знает при каких обстоятельствах. Отец мой, Миша Азнавурян, грузин армянского происхождения, родился в Ахалчке. Армяне из Грузии не подверглись геноциду. Оба были артистами: мать — актрисой, отец — певцом с таким прекрасным голосом, что услышав однажды его пение, Луи Армстронг, модный композитор, который кроме прочих произведений являлся автором «Розовой вишни и белой яблони», удивился: «У меня такое впечатление, что в вашей семье голос перескочил через поколение». Мы ничего не знаем о том, как встретились, где и когда поженились наши родители. В то время брачные реестры хранились в церкви и исполняли роль актов гражданского состояния. Увы, наши церкви были разграблены и разрушены...

НА СЦЕНЕ ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

Мое первое появление перед публикой было чистой импровизацией. Никто не побуждал меня к этому. Родители, как и остальные армянские актеры, не могли подолгу оставаться вдали от сцены. Они даже создали некое подобие труппы, которая, как могла, исполняла армянские оперетты. В дни спектаклей родители, не имевшие возможности нанять английских или шведских нянь, оставляли нас с Аидой за кулисами без присмотра. Однажды вечером — мне тогда было около трех лет — незадолго до начала спектакля я приоткрыл занавес и оказался на сцене, лицом к лицу с пуб-

ликой. И тогда мне пришлось в голову рассказать какое-нибудь стихотворение по-армянски. Услышав аплодисменты, артисты запыжились, решив, что зрители недовольны ожиданием. Кто-то из знакомых пришел за кулисы и успокоил их: у публики появилось дополнительное развлечение, которое, слава Богу, имеет немалый успех. Это было единственное в моей жизни публичное выступление со сцены на армянском языке. Тогда я впервые получил удовольствие от того, что мне аплодируют. Сейчас мне кажется, что в тот самый момент, на сцене зала Научных сообщений, выступая перед эмигрантской публикой, я подхватил вирус, от которого так и не сумел избавиться.

ТАК ЭТО И ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Мне всегда нравились очень молодые девушки мальчишеского типа, немного наивные, немного растерянные, у которых ничего нет, и для которых я с легкостью мог открыть все чудеса мира и стать таким Пигмалионом, несмотря на свои ограниченные познания. Я мечтал о том, что однажды на моем пороге появится юная особа в накинутом на голое тело плаще с чужого плеча, и я предоставлю ей целый гардероб, а когда она будет полностью «укомплектована», попрошу сходить вернуть плащ владелице. У счастья, от этой причуды я быстро избавился. В то время по закону совершеннолетие наступало в двадцать один год, и я, постоянно нарушавший общее правило, с каждым любовным приключением рисковал попасть в исправительную колонию. С тех пор возраст совершеннолетия снизился до семнадцати, так что старые обезьяны могут спать спокойно вместе со своей импотенцией.

Я очень изменился, став во второй раз отцом, а впоследствии дедушкой. Теперь я отношусь к таким девушкам как к детям, которые слишком рано созрели. У меня есть чувство юмора, так зачем выставлять себя на посмешище. Возраст и семейная жизнь, которую я считаю идеальной, научили меня придерживаться рамок приличия. Прихожу в ужас, когда читаю в прессе о безумной любви восьмидесятилетних стариков и совсем молодых девушек, утверждающих, что до смерти влюблены в этих невероятно богатых, хотя на самом деле уже несостоятельных или близких к тому господ, которых в скором времени ожидает ближайшее к дому агентство похоронных услуг. Интересно, они действительно верят во все это, или притворяются, чтобы эпатировать окружающих, спастись от одиночества? Странно только, что ни одной из этих очаровашек не случалось умирать от любви к какому-нибудь простому пенсионеру, например, бывшему почтовому служащему, получающему жалкие гроши. Неисповедимы пути любви к доверчивым богатым старикам...

Согласен, я никогда не был Донжуаном, Казановой, коварным соблазнителем, и все же у меня были подруги сердца всех цветов кожи и вероисповеданий. Трижды женился, но, думаю, по-настоящему любил только четырех или пятерых женщин. Когда я говорю «любил», то имею в виду такую любовь, о которой не забывают. Невозможно забыть ни имя, ни первую встречу, ни все пережитое вместе. Невозможно забыть и то, что привело вас к разрыву — через безрассудные поступки, ругань и удары исподтишка.

ОСЕНЬ

Лет в четырнадцать-пятнадцать от одной мысли о

том, что рано или поздно придется встретиться со смертью, у меня волосы вставали дыбом. Позже я был слишком поглощен развлечениями, девочками, погоней за успехом, и эта мысль мало-помалу отдалась, возникая лишь в случае смерти кого-то из родственников или друзей. Но наступает возраст, когда ловишь себя на том, что осенью с умилением глядишь на листья деревьев, которые постепенно краснеют, желтеют, а затем опадают, уносимые порывами ветра. Вот в этом-то возрасте и начинаешь считать те немногие годы, что тебе отпущены для жизни! И тогда мысль о смерти становится спутницей твоих дней, а вернее, ночей. Ты пытаешься представить себе все это, начинаешь задумываться о вещах, которые прежде не приходили тебе в голову.

КОФЕ С МОЛОКОМ

Когда меня спрашивают, кем я себя ощущаю в большей степени — армянином или французом, на это может быть только один ответ: на сто процентов — армянином и на сто процентов — французом. Я как кофе с молоком: когда оба ингредиента смешаны, уже невозможно отделить один от другого. Влияние армянской и французской культур, к которому добавились и другие, очень много дало мне и независимо от меня самого сформировало мой индивидуальный стиль. Если другим приходилось тратить силы на их изучение, то у меня они уже были заложены в генах. Если человек с рождения знает два языка и каждый день слышит, как рядом с ним говорят еще на двух или трех других, то в этом, по всей видимости, и заключается секрет быстрого освоения новых языков и интереса к культурам других народов.

От Москвы до Нью-Йорка, от Рио-де-Жанейро до Сингапура, от Парижа до Сиднея я избородил весь мир вдоль и поперек, неоднократно совершив кругосветные путешествия, постоянно испытывая жажду видеть неизведанные страны, изучать все новое, знакомиться с новыми народами, языками, религиями, укладами жизни. Я научился терпимости и пониманию, научился не осуждать и, тем более не поучать. Повидав так много я, тем не менее, думаю, что еще ничего не видел, жажда открытий живет во мне, она неутолима.

У всего есть конец, но не могу решиться написать это слово. Пусть жизнь сама сделает это за меня...

Печатается
с сокращениями.
Заголовки даны
редакцией «ВК»